

УДК 327.7, 005

Татьяна РОМАНОВА

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЕВРОСОЮЗА В НАШЕЙ СТРАНЕ И ЗА РУБЕЖОМ (1992–2015 гг.)

Аннотация: Статья рассматривает проблематику исследований отношений России и ЕС в 1992–2015 гг. в нашей стране и за рубежом. Анализируются предметные области и используемые методы. В России отмечается доминирование вопросов расширения ЕС, внешнеполитического сотрудничества и экономических отношений. Выделяются ориентация на эмпирические исследования, реализм и ограниченные заимствования западного категориального аппарата, а также анализируются причины такого положения дел. В зарубежных исследованиях выделяется две традиции: ориентация на эволюцию ЕС или на реформы в России как базовые факторы, определяющие отношения. Кроме того, здесь отмечается постепенная секьюритизация исследований, особенно во внешнеполитическом сотрудничестве, энергетике и взаимодействии в регионе общего соседства. Подчеркивается большая теоретическая фундированность исследований за рубежом, но также акцент на категориях международных отношений, и в значительно меньшей степени политологии, а также распространённость конструктивистских исследований (в которые делали вклад и российские учёные). Автор сравнивает две исследовательские повестки в части проблематики и методологии, отмечая серьёзные расхождения между ними, ограниченность диалога учёных, которые послужили и современному кризису в отношениях России и ЕС.

Ключевые слова: отношения России и Евросоюза, исследования, эмпирика, теория интеграции, теория международных отношений, конфликт, сотрудничество.

Современный этап исследований отношений России и Евросоюза ведёт отсчёт с 1992 года. Во-первых, в 1992 г. произошли существенные изменения в нашей стране (распад СССР и становление новой внешней политики), в Евросоюзе (переход от преимущественно экономической интеграции к политической) и в мире (распад bipolarной системы), а следовательно, и в отношениях Москвы и Брюсселя¹. Во-вторых, с 1992 г. в России трансформировалось изучение международных отношений: шла деидеологизация, расширялся диалог с зарубежными учёными. В-третьих, менялся политический запрос на осмысление отношений России и ЕС с обеих сторон.

¹ В данном тексте под “Брюсселем” понимается Европейский Союз.

© Романова Татьяна Алексеевна – к.полит.н., доцент кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, профессор им. Ж. Монне, председатель Санкт-Петербургского отделения АЕВИС. Адрес: 193060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного 1/3 (8-й подъезд). Тел. +78125764229. E-mail: t.romanova@spbu.ru, romanova@mail.sir.edu

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52015100114>

В этом обзоре проанализированы два аспекта исследований отношений России и ЕС: тематический и методологический, т.е. что и как исследовалось в отечественной и зарубежной науке с 1992 г. и до сегодняшнего дня. (Работы, появившиеся до 1992 г., нередко были отправной точкой современных исследований отношений России и ЕС, но, по отмеченным выше причинам, они остаются за пределами нынешнего анализа.) Аналогичные оценки уже предпринимались в России [Авдонин, 2006; Entin, Strelkov, Varabanov, 2011], но они были сделаны много ранее и посвящены европейским исследованиям в России в целом, а не изучению отношений России и ЕС. Они также не сравнивали тематическую и методологическую повестку отечественной и зарубежной науки. Именно это и определяет новизну нашего исследования.

Для анализа основных тенденций в изучении отношений России и ЕС были проанализированы монографии и научные статьи. Были охвачены книги, обязательные экземпляры которых в 1992–2015 гг. попали в Российскую национальную библиотеку или Библиотеку Европейской комиссии. Как журнальные статьи рассматривались работы, индексируемые в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) или в двух ключевых наукометрических базах за рубежом (Web of Science или Scopus). Это прежде всего “Современная Европа”, “Мировая экономика и международные отношения”, “Международные процессы”, “Актуальные проблемы Европы”, “Россия в глобальной политике”, “Вестник МГИМО”, Journal of Contemporary European Studies, Europe Asia Studies, Perspectives on European Politics and Society, Energy Policy, Geopolitics, European Security, International Affairs, Communist and Post-Communist Studies.

Во внимание принимались и работы мозговых центров, оказавших значительное влияние на осмысление и практику отношений России и ЕС (в частности, Комитета “Россия в объединённой Европе”, Российско-Европейского центра экономической политики (РЕЦЭП), Российского совета по международным делам (РСМД), Клуба Валдай, Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), Центра Карнеги, Centre of European Policy Studies, Centre for European Reform, European Council on Foreign Relations). Однако ключевыми для нас были монографии и научные статьи, поскольку интерес представляет исследовательская повестка. Кроме того, фундаментальные работы исследовательских центров часто получают своё закрепление в монографии или журнальной статье.

Отношения России и ЕС – один из центральных аспектов современной внешней политики нашей страны (в силу объёма экономических отношений, политической повестки, географической близости). Россия – крупнейший и стратегически важный сосед для ЕС. Однако за прошедшие годы исследованию их отношений было посвящено в нашей стране около 60, а за рубежом – около 45 монографий (в т.ч. коллективных). Статей больше, но даже в специализированных российских журналах доля трудов по отношениям России и ЕС мизерна (согласно нашим подсчётам, около 5% в журнале “Современная Европа” и 4,4% в журнале “Актуальные проблемы Европы”). Доля статей в зарубежных изданиях ещё ниже (около 1%), хотя журналы Perspectives on European Politics and Society, European Security, Europe-Asia Studies и Geopolitics регулярно делают специальные выпуски по отношениям ЕС и России. Ещё раз отметим: не учитываются статьи сугубо по европейской интеграции, по России или по отношениям России и стран-членов ЕС. Таким образом, исследование отношений России и ЕС не стало приоритетом ни для отечественных, ни для зарубежных учёных, несмотря на взаимную политическую и экономическую важность России и ЕС.

Деление на российские и зарубежные исследования условно. С начала 1990х гг. российские авторы публиковались за рубежом, а работы некоторых иностранных учёных появлялись на страницах российских журналов. Тем не менее очевидно разделение исследовательской и методологической повесток исследований отношений России и ЕС. Более того, отдельные российские учёные (прежде всего конструктивисты) скорее интегрированы в зарубежную науку, чем в отечественную. Таким образом, деление в нынешней статье проходит не по гражданству авторов, а по месту публикации.

Отечественные исследования отношений России и Евросоюза

Безусловным тематическим фаворитом российских исследований отношений России и ЕС стало расширение Союза и то, как оно повлияет на отношения партнёров (работы Ю.А. Борко, С.П. Глинкиной, И.Д. Иванова, Н.В. Куликовой, А. Мошеса, В.Н. Сумарокова, К.К. Худолея, Л.Н. Шишелиной¹). Отмечалось, что ЕС не прислушивается должным образом к озабоченностям России. Акцентировались проблемы распространения на Россию аграрной, торговой и конкурентной политики ЕС взамен прошлых соглашений с кандидатами, искажение инвестиционных потоков, но также и некоторые положительные моменты (как расширение предсказуемого права ЕС на новых членов).

Другим тематическим приоритетом российских исследователей стала внешняя политика и политика обороны ЕС (работы Н.К. Арбатовой, Л.И. Глухарева, Д.А. Данилова, В.В. Журкина, А.И. Никитина, А.А. Сергунина, С.В. Уткина, Н.П. Шмелева, М.Л. Энтина). Обсуждались возможности сотрудничества России и ЕС в кризисном урегулировании, координации позиций на международной арене, борьбы с терроризмом. Плотно анализировалась тесное сотрудничество ЕС и США в военно-политической области, возможности для России использовать взаимодействие с Брюсселем как противовес Вашингтону и создать единое пространство безопасности в Европе, позволяющее учесть приоритеты России.

Постоянно росло количество российских исследователей т.н. региона общего соседства, сферы сотрудничества и соперничества России и ЕС. Её популярность (работы Н.К. Арбатовой, Ю.А. Борко, Р.Г. Вартапяна, Е.Ю. Винокурова, И.В. Грецкого, Д.А. Данилова, А.А. Стрелкова, Е.Ю. Трещенкова, К.В. Юматова) стимулировали как новые инициативы ЕС в регионе, так и развитие интеграционных проектов России. Анализировались совместимость и противоречивость инициатив Москвы и Брюсселя, геополитические последствия их столкновения. При этом чаще всего в субъектности странам общего соседства отечественные (да и зарубежные) исследования отказывали.

Популярность первых трёх тем (расширение, безопасность и политика соседства) ярко свидетельствует о реалистическом характере исследований отношений России и ЕС в нашей стране уже на ранних этапах выстраивания отношений Москвы и Брюсселя, с течением времени этот тренд укрепился.

Следующий тематический приоритет российских исследований отношений России и ЕС – экономические связи (работы С.А. Афонцева, В.Б. Белова, Ю.А. Борко, Е.Ю. Винокурова, И.С. Гладкова, В.П. Гутника, И.Д. Иванова, Н.Ю. Кавешникова, А.В. Кузнецова, В.А. Мау, В.В. Новикова, И.Г. Пашковской, Дж. Пиндера, Б.М. Пичугина, И. Самсона, Ю.В. Шишкова, С.В. Чернышева). Здесь современные

¹ Здесь и далее в силу ограниченного объема статьи мы не приводим ссылки на конкретные работы.

исследования выступают правопреемником советских интеграционных исследований, концентрировавшихся на экономических аспектах. Ядро современного анализа – плотность торговых потоков, относительно колониальная их структура (природные ресурсы в обмен на товары и услуги с высокой добавленной стоимостью), структура и объём капиталовложений. Анализировались также проблемы и перспективы создания зоны свободной торговли и общеевропейского экономического пространства. Здесь же надо отметить исследования программ технической помощи ЕС и научно-технического сотрудничества.

Большое количество исследований было написано по энергетическому взаимодействию России и ЕС (работы А.В. Белого, А.А. Конопляника, Н.Ю. Кавешникова, П.С. Каньгина, В.С. Милова, И.Г. Пашковской, Т.А. Романовой, В.П. Сорокина, В.И. Фейгина, А.Д. Хайтуна). В российской литературе традиционно исследовались потоки углеводородов, политика ЕС и России в энергетике. Изучались противоречия, вызванные либерализацией газового рынка Союза при сохранении доминирования государства в этой отрасли в нашей стране, а также экономические и геополитические аспекты трубопроводов. Демонстрировалась экономическая выгода партнёрства России и ЕС, а склонность политизировать поставки газа в научной дискуссии была минимальной (не считая вопросы транзита через Украину).

Ещё одной крайне популярной среди российских исследователей темой оставался вопрос о принадлежности России к Европе (А.С. Макарычев, А.Г. Арбатов, В.В. Афанасьев, В.Г. Барановский, Ю.А. Борко, Ал.А. Громько, Д.А. Данилов, А.В. Загорский, И.Д. Иванов, И.Ф. Максимычев, В.Е. Морозов, М.Г. Носов, Т.А. Романова, Ю.И. Рубинский, С.В. Уткин, В.П. Федоров, К.К. Худолей, В.Л. Цымбурский, В.Г. Шемятенков, Н.П. Шмелёв). Исследовалось, насколько Москва наравне с ЕС может определять приоритеты развития Старого Света, насколько Россия отлична от ЕС по менталитету и политическим практикам, анализировалась степень ее интеграции в Большую Европу, а также то, “в чём состоит европейский выбор России”. Дискуссию усугубляла склонность ЕС “монополизировать” Европу как культурно-исторический концепт, говорить от её лица, исключая тем самым Россию или предъявляя ей список дел, необходимых, чтобы стать “Европой”. Такой подход закономерно осуждался в российской науке, но отечественные мнения относительно необходимости реформ разнились.

Имели место также исследования трансграничных отношений России и ЕС (в т.ч. Северного измерения), а также прояснение модальностей сотрудничества России и ЕС по развитию Калининградской области. Данная тематика привлекала внимание исследователей не только Москвы, но особенно Санкт-Петербурга, Калининграда и Петрозаводска (Н.М. Антюшина, Л.О. Бабынина, Е.В. Белокурова, К.В. Воронова, Е.Ю. Винокуров, А.А. Демидов, Ю.С. Дерябин, Н.Б. Кондратьева, С.В. КОРТУНОВ, В.Н. Кошелев, В.М. Кузьмин, Д.А. Ланко, Н.Ю. Маркушина, С. А. Медведев, М. Ноженко, К. Пурсийнен, О.Ч. Реута, Н.В. Смородинская, И.П. Телегина, Г.М. Фёдоров, К.К. Худолей, В.С. Шлямин), что было связано с большим количеством эмпирического материала, доступного на местах.

Широко обсуждались в России и все новые инициативы Москвы и Брюсселя: стратегии России и ЕС (Н.К. Арбатова, Т.В. Бордачев, А. Мошес, К.К. Худолей), общие пространства России и ЕС (Н.К. Арбатова, О.Н. Барабанов, Е.Ю. Винокуров, Д.А. Данилов, Н.Г. Заславская, И.Д. Иванов, В.Л. Иноземцев, Н.Ю. Кавешников, Е.С. Кузнецова, М.В. Ларионова, А.Е. Лихачёв, А.С. Макарычев, В.А. Мау, В.В. Новиков, О.Ю. Потемкина, Т.А. Романова, Ю.И. Рубинский, И. Самсон, В.Б. Христенко), партнёрство ради модернизации (С.А. Кулик, Е.Б. Павлова, Т.А. Романова,

М.Л. Энтин). Большое количество работ было посвящено содержанию и перспективам нового базового соглашения России и ЕС (Н.К. Арбатова, В.Б. Белов, Т.В. Бордачёв, Ю.А. Борко, И.М. Бусыгина, Ал.А. Громыко, И.Д. Иванов, С.А. Караганов, В.Н. Лихачев, Ф.А. Лукьянов, В.П. Паньков, Т.А. Романова, Д.В. Тренин, К.В. Энтин, М.Л. Энтин).

Привлекала внимание российских исследователей и роль стран-членов ЕС в выработке политики ЕС в отношении России (В.М. Алчинов, Ф.А. Басов, К.В. Воронов, А.В. Девятков, А.С. Макарычев, Е.Б. Павлова, В.Н. Поздняков, Т.А. Романова, Р.Х. Симонян, П.П. Тимофеев). Чаще всего было принято акцентировать конструктивную роль старых стран-членов и деструктивную линию новых. При этом анализировались возможности распространения опыта хороших отношений на весь ЕС, варианты влияния на ЕС через “союзников”, тогда как в публицистике часто были спекуляции на тему “разделяй и властвуй”.

Меньше работ (Т.В. Бордачёв, О.В. Буторина, Д.А. Данилов, И.Д. Иванов, А.В. Кузнецов, Ф.А. Лукьянов, О.Ю. Потемкина, Т.А. Романова, Е.С. Хесин, Л.М. Энтин) было посвящено тому, как повлияют на отношения России и ЕС институциональные и политические преобразования в Евросоюзе (Амстердамский, Ниццкий и Лиссабонский договоры, перераспределившие компетенции и создавшие новые институты и процедуры; введение евро и расширение сотрудничества в области правосудия и внутренних дел; экономический кризис).

Имели место и исследования сотрудничества России и ЕС в борьбе с преступностью, нелегальной иммиграцией, а также переходу к безвизовому режиму (Л.С. Биссон, В. Войников, О.В. Корнеев, А. Мошес, О.Ю. Потемкина, М.Л. Энтин). При этом последний вопрос особенно привлекал исследователей в силу его социального и политического резонанса. Здесь предлагались различные схемы перехода к безвизовому режиму, определялись конкретные шаги обеих сторон, готовились дорожные карты.

Наконец, в последние годы популярной стала тема копирования опыта ЕС для евразийской интеграции, а также выстраивание отношений между ЕС и Евразийским экономическим союзом (С.Ю. Глазьев, А.Ю. Кнобель, Ю.М. Кукушкина, С.Г. Мирзаханян, Т.А. Романова, Е.Ю. Трещенков, Б.В. Чокаев, Ю.В. Шишков).

Большой вклад сделали исследования по европейскому праву, где указывалась специфика правового сотрудничества России и ЕС (учебники и монографии выпустили С.А. Бартенев, М.М. Бирюков, Ю.Д. Ильин, А.О. Иншакова, А.Д. Качалов, А.Л. Лучинин, П.А. Калинин, А.Я. Капустин, М.В. Каргалова, С.Ю. Кашкин, М.Н. Марченко, В.К. Пучинский, Ю.М. Юмашев, М.Л. Энтин, Л.М. Энтин). Особо отметим проблематику правового сближения России и ЕС, которая затрагивалась не только юристами, но и политологами, экономистами. Если на начальном этапе она воспринималась как вариант модернизации России, то затем стала анализироваться, скорее, в категориях асимметрии, неравенства, неприемлемого для нашей страны (работы С.А. Афонцева, Ю.А. Борко, В.В. Войникова, П.А. Калинин, С.Ю. Кашкина, А.Е. Келлерманна, М.В. Ларионовой, Т.А. Романовой, Т.В. Шашихиной, Н.П. Шмельёва, М.Л. Энтина).

В целом за 24 года в российских исследованиях отношений России и ЕС произошло несколько важных изменений. Первое – переход от восхищённого узнавания Евросоюза и акцента на его особенности к более прагматичному пониманию сложности системы ЕС, но также к тому, что он, как и любой участник международных отношений, защищает свои интересы, к акценту на самости России. Второе – сдвиг фокуса от ЕС к евразийской интеграции как равному процессу. Третья

трансформация состояла в отходе от отношений, обусловленных внутрисоюзными реформами, к диалогу, зависящему от эволюции ЕС.

С теоретико-методологической точки зрения исследования отношений России и Евросоюза, однако, мало менялись и не отличались разнообразием. Эти исследования разделили судьбу европейских исследований в нашей стране, для которых «было характерно использование методов и подходов исторической науки, дополненных «мягким» системным и комплексным методами экономического анализа. Методы собственно политической науки с характерным для неё теоретическим и эмпирическим инструментарием применялись весьма ограниченно» [Авдонин, 2006: 7]. Это объясняется советским наследием (попытками «убежать в эмпирику» от марксистско-ленинской идеологии, жёстко ограничивавшей теоретические построения). Слабую теоретическую основу российских политологических исследований европейской интеграции и отношений России и ЕС отмечали также и другие учёные [Борко, 1988; Шмелев 2000].

В нынешнем веке дефицит теоретических исследований в политологическом изучении собственно европейской интеграции стал исправляться. Шёл синтез российской (советской) и западной экономической и политэкономической теории интеграции (примечательные работы М.М. Максимцевой, В.В. Обуховского, Ю.В. Шишкова, а также Т.Н. Кирабаева, А.М. Либмана, Б.А. Хейфеца). Развивался и диалог с западными теоретическими политологическими исследованиями. Заимствовались неоинституционалистские концепции для анализа органов ЕС и роли стран-членов (работы Е.В. Аховой, Е.С. Громогласовой, Е.А. Дегтяревой, С.В. Ершова, В.Н. Зуева, Н.Ю. Кавешникова, Е.А. Королева, Д.А. Леви, О.М. Мещеряковой, О.Ю. Потемкиной, Д.Э. Руденковой, И.С. Семененко, Е.А. Сидоровой, М.В. Стрежневой, И.И. Хохлова, А.Н. Шохина). Изучались федералистская теория (работы Т.М. Фадеевой), концепции гибкой интеграции (труды Л.О. Бабыниной, И.М. Бусыгиной, Н.Ю. Кавешникова), европеизация (Е.С. Громогласова, В.А. Латкина), (многоуровневое) управление и политические сети, комплексная транснационализация политического пространства (работы Е.С. Громогласовой, И.Л. Прохоренко, М.В. Стрежневой, И.Л. Чихарева), акторности (Т.А. Романова).

Правда, некоторые концепции были несколько искажены (например, концепция европеизации). Другие работы ограничивались пересказом западных исследований, иногда с изрядным сроком давности (как концепции гибкого управления и наднационального механизма). Некоторые западные категории в российской науке о европейской интеграции стали трактоваться шире (например, произошёл творческий синтез сетевого управления, многоуровневого управления и трансправительственности). Однако главной проблемой стало то, что отечественные исследователи практически игнорировали эти подходы при анализе отношений России и ЕС. Отчасти это объясняется тем, что соответствующие теории просто заимствовались из западной практики для анализа западных же феноменов, а для отношений с Россией воспринимались как неприемлемые.

Сама необходимость применения таких теорий к изучению отношений России и ЕС ставится под вопрос, поскольку в российских исследованиях международных отношений и внешней политики продолжает доминировать реализм, в различных его модификациях, прикладной внешнеполитический анализ и «системно-исторический подход» [см. также Авдонин, 2006]. Эра романтического либерализма быстро закончилась ещё в 1990-е годы. Возврат же к реализму/неореализму, восторженное освоение неоклассического реализма, реанимация геополитики нередко вели к презрительному отбрасыванию альтернативных теорий (конструкти-

визма, либерализма, неоинституционализма). Таким образом, методологически и тематически исследования европейской интеграции и труды по отношениям России и ЕС были на протяжении последних 24 лет де-факто разделены. По сути, выбор методологии зависел от предмета исследования: для исследования ЕС можно было использовать, например, неоинституционализм, конструктивизм, а для анализа России и отношений с ЕС – только реализм (и его модификации). Более того, выбор альтернативной методологии нередко ассоциировался с проевропейской ориентацией автора [см. также Павлова, Романова 2014].

Из правила о низкой теоретизированности исследований отношений России и Евросоюза и о доминировании реалистической парадигмы есть несколько исключений.

1. Применение концепций европеизации к отношениям России и Евросоюза (работы Т.В. Бордачёва, С.А. Медведева, А. Мошеса, А.А. Стрелкова), причём иногда это было вопросом политической моды, которая прошла в нынешнем веке.

2. Разработка концепции нормативной силы, в центре которой способность ЕС проецировать свои нормы и менять своих партнёров собственным примером (работы Ал.А. Громыко, Д.А. Данилова, Н.Г. Заславской, Л.О. Игумновой, Н.Ю. Кавешникова, О.Ю. Потемкиной, Т.А. Романовой, В.П. Фёдорова, Н.П. Шмелёва, М.Л. Энтина). Правда, нередко дискуссии о нормах и ценностях сводились к упрощённой дилемме “нормы или интересы”, её реалистической трактовке или к проблеме обеспечения равенства России в диалоге с ЕС, к дискуссиям о нормах, пропагандируемых Россией. Кроме того, дискуссии о нормах и ценностях также нередко велись только для того, чтобы лишний раз утвердить парадигму реализма, её верховенство в современных международных отношениях.

3. Отсылка к концепции “гражданской силы” Евросоюза, суть которой – акцент на способности Евросоюза влиять на своих партнёров через экономическое давление, а не военно-политическими инструментами (Т.В. Бордачёв, Т.А. Романова).

4. Применение концепции многоуровневого управления к отношениям России и ЕС (Н.Б. Кондратьева, М.В. Стрежнева). Иногда, однако, концепция была, скорее, искусственной надстройкой для изложения обширного и крайне интересного эмпирического материала.

5. Проведение институционалистского анализа, особенно с акцентом на лоббирование и транспаритетные, транснациональные институты (работы Т.В. Бордачёва, Д.А. Леви, Т.А. Романовой). Правда, не удалось и тут избежать упрощённой трактовки, нередко использовались категории классического, но морально устаревшего институционализма, а не современного неоинституционализма.

6. Копирование опыта начала европейской интеграции в отношениях России и ЕС путем применения неофункционализма, т.е. секторального сотрудничества в сферах, где выражена взаимодополняемость и развитие которых жизненно важно для обоих партнёров (работы Т.В. Бордачёва, В.А. Мау, В.В. Новиков).

7. Исследование проблемы взаимности в отношениях России и ЕС, и в целом анализ различий в том, как Россия и ЕС понимают базовые категории, используемые ими в диалоге (Т.А. Романова).

8. Немногочисленные работы в русле постструктурализма (В.Е. Морозов, А.С. Макарычев) по отношениям России и ЕС, хотя большинство из них печатается не в России, а на Западе и, скорее, формирует часть теоретической повестки исследований отношений России и ЕС за рубежом.

В остальном же отечественные работы по отношениям России и ЕС носили характер прикладного политического, экономического или политэкономического

анализа. В рамках прикладного анализа необходимо отметить сценарные работы (в частности, труды В.М. Алчинова, Ю.А. Борко, Т.В. Бордачева, В.А. Мау, С.А. Медведева, В.В. Новикова, Т.А. Романовой, М.Л. Энтина), а также политические рекомендации (Институт Европы РАН, комитет “Россия в объединённой Европе”, конференции МГИМО, журнал “Россия в глобальной политике”, СВОП, Клуб Валдай).

Зарубежные исследования отношений России и Евросоюза

С тематической точки зрения в зарубежных исследованиях можно выделить две отправных точки изучения отношений Москвы и Брюсселя. Первая – внутренняя эволюция Союза; для учёных этой группы диалог с Россией – лишь контекст для тестирования новых инструментов ЕС и его внешнеполитических инициатив, для оформления его акторности и углубления интеграции (например, работы Т.Н. Григориадиса, М. Мерлингена, Т. Ренарда, Л. Симао, Р. Тьерски, Р. Дж. Уайтмана, Дж. Ван Удерана, С. Уолфа, М. Р. Ферейра). Интересная группа исследований, правда, была посвящена тому, как Россия воспринимает Евросоюз и его роль в мире (труды К. Бенгстон, Дж. Бэн, С. Келли, С. Кейкелера, М. Морини, Р. Перуцци, А. Полетти, Н. Чабан, О. Элгстремба). Однако в целом для этих исследований не характерно подчёркивать специфику России.

В этом контексте закономерными были предложения применять к России инструменты, аналогичные тем, что использовались для стран-кандидатов, идеи о распространении на Россию норм и правил ЕС (т.н. *acquis communautaire*) как через процесс рационального заимствования, так и через социализацию (Б. Бапалу, Р. Биделё, Е. Винокуров, А. Высоцкая Гедес Виейра, Ж. Гауэр, С. Гензль, Ф. Кэмерон, А. Маата, Ф. Майяни, Г. Мелони, Е. Мулиарова, Г. Мунтель, М. Наторски, Р. Петров, Р. Эрнандес-и-Сагрераа, М. Эмерсон). При этом выделялась важность формирования политических сетей для трансфера норм (исследования Дж. Лайне, Е. Постникова, Дж. В. Скотта, Е. Туркиной), а также принцип политической обусловленности, когда ЕС предоставляет выгоды партнёрам в обмен на принятие его норм.

Логичным для этих авторов были и выдвигаемые к России требования относительно качества её институтов, верховенства закона, уважения прав человека и демократии. Соответствующие реформы выставлялись в качестве условия для углубления диалога с ЕС, а их отсутствие и жёсткая централизация выделялись в качестве барьеров (Э. Биндман, Дж. ДеБарделебен, М. Диель, П.Г. Лезер, Ф. Парментье, С. Трейси, Р. Тьерски, Дж. Ван Удерана, М. Уолкер, Т.Форсберг, С. Франчиза, Г. Херд, Д. Шенфельд). Однако уже в первом десятилетии нынешнего века выяснилось, что рецепты не работают в России (отчасти из-за отсутствия перспектив вступления России в Евросоюз, отчасти – из-за специфики России и возврата её лидеров к фундаментальным категориям национального интереса), что повлекло кризис данного направления исследований отношений Москвы и Брюсселя.

Другая примечательная тема исследований за пределами нашей страны – роль стран-членов ЕС в выстраивании общей стратегии по отношению к Москве, способность последней эксплуатировать различия в отношении государств ЕС, а также роль институтов интеграционного объединения в обеспечении согласованных действий (стоит упомянуть таких исследователей, как Д. Божилова, С. Брагироли, Э. Верхефф, Дж. Гауэр, Д. Гэдбрет, Г. Дура, М. Дэвид, М. Дэнжерфильд, Т. Казир, К. Карте, М. Качмарски, Дж. Кристу, Я. Кулханек, А. Ласас, М. Леонард, Р. Линтонен, М. Наторски, К. Нильсон, А. Ниманн, Н. Попеску, А. Раш, М. Рот, Л. Симао, Дж. Слейвите, Х. Смит, Э. Смоляр, С. Стюарт, Г. Тимминс, Э. Уилсон, Х. Хауккала, С. Фернандес, Х. Хубель, А. Хярмасте, А. Шмидт-Фельзманн, Т. Этзольд). Хрестоматия

тийной стала классификация стран–членов ЕС по степени их дружелюбности и расположенности к России, что пропорционально историческому опыту их взаимодействия с Москвой, а также тесноте экономических и особенно энергетических связей (работы С. Брагироли, К. Карта, М. Леонардо, Е. Павловой, Н. Попеску, Т. Романовой).

Вторая группа исследователей отношений России и Евросоюза состоит из специалистов по России, для которых отношения с ЕС – лишь частный случай внешней политики России. Для этой группы исследователей (Д. Аверре, Р. Аллисон, М. Лайт, Я. МакАллистер, Э. Монаган, Р. Саква, С. Уайт) важна специфика России, её модальности и резистентность в диалоге с ЕС.

Однако постепенно эти две школы исследователей сближались. Возросло количество исследований, акцентирующих различия между современной Россией и постсовременным ЕС, где для первой характерно стремление к многополярности, контролю территорий, а для второго – трансформация пространства вокруг. Исследователи (Д. Аверре, Р. Аллисон, К. Браунинг, С. Голунов, Т. Гомар, П. Йонниemi, Я. Клинке, П. Краточвил, М. Лайт, М. Лехти, А. Макарычев, С. Медведев, Б. Нигрен, И. Орчирова, С. Прозоров, И. Страус, П. Трускотт, С. Уайт, Х. Хауккала) заговорили о двух различных Европах, о нормативном и идейном соперничестве, о том, что многие категории (многосторонность, доверие, границы, права человека, суверенитет) Россия и ЕС трактуют по-разному.

Широко (и не всегда плодотворно) стал тиражироваться тезис о нормативной силе ЕС, а также о противоречиях между нормами / ценностями и интересами (работы Дж. ДеБарделебен, П. Лейно, Ф. Парментье, Р. Петрова, Х. Хауккала, Р. Шуетте). Важным было исследование того, как наличие России помогает Союзу идейно конституировать себя (В.Е. Морозов, И. Ноймен). Работы российских исследователей (Н.К. Арбатовой, В.Г. Барановского, Е.В. Белокуровой, А.Т. Гаспаришвили, Д.А. Данилова, Н.Ю. Кавешникова, С.А. Караганова, И.Е. Лешукова, Е.В. Романовой, Т.А. Романовой, И.С. Семененко, С.В. Туманова, С.В. Уткина), объясняющие специфику российского видения, оказывали небольшое влияние на западную повестку исследования.

На этом фоне группа специалистов всё чаще призывала к прагматическому, деидеологизированному сотрудничеству России и ЕС (Д. Аверре, К. Барыш, М. Валь, С. Вуд, А. Герритс, Т. Казир, А. Монаган, Х. Рютовари-Апунен, Ф. Тассарини, Г. Тимминс, П. Фленли, Х. Хауккала), анализировалось и то, как Россия и Союз всё чаще нормативно соперничают друг с другом (труды Г. Гулиева, А. С. Макарычева, Т.А. Романовой, А. Стин, Т. Казира, Н. Фона).

В то же время тезис о неинтегрируемости России в интеллектуальное и политико-правовое пространство с центром в ЕС привёл к секьюритизации исследований отношений России и ЕС. Это проявилось как минимум в трёх темах. Первая – это безопасность. В зависимости от позиции автора Россия рассматривалась либо как угроза безопасности ЕС, стабильности его институтов и норм (М. Лайт, Ю. Фёдоров, Дж. Шерр), либо как актор, с которым можно выстроить стабильные партнёрские отношения, но отнюдь не исключительно на условиях Евросоюза (работы Д. Аверре, Р. Алькаро, Э. Алессандри, Э. Берга, К. Барыш, Б. Бурвелла, Я. Вакери Фанес, М. Дембински, М. Качмарского, М. Лайт, Г. Линча, Я. МакАллистера, Ш. Мейстера, М. Мерлингена, М. Молдера, Э. Монагана, А. Мошеса, Ф. Парментье, Д. Поликанова, К. Ронтояни, А. Сергунина, Ф. Тома, Г. Траутманна, Д. Тренина, С. Уайта, Ф. Умбаха, С. Фернандес, Т. Форсберга, Д. Хайнца, Х.-Й. Шмидта, Х.-Й. Шпангера). Для одних авторов основой должен был быть прагматизм в силу разли-

чий в отношении безопасности, для других – принятие ценностей ЕС. Велись поиски причин поддержки Россией институционального строительства ЕС в области безопасности (Д. Аверре, Р. Аллисон, П.-А. Дасселер, М. Лайт, Г. Линч, Л. Симао, Ф. Спидбоел-Хансен, С. Уайт, Т. Форсберг). Со временем, однако, настороженные настроения в отношении России и сотрудничества с ней в области безопасности нарастали, особенно после конфликта в Грузии в 2008 г. и событий на Украине в 2014 году. При этом мало исследованы были проблемы политического сотрудничества, концепция стратегического партнёрства или совместное миротворчество (работы Т. Гомара, А.В. Загорского, М. Менкишака, К. Охманна, С. Робертс, Т. Форсберга – исключение).

Вопросы мягкой безопасности исследовались меньше. Облегчение визового режима (труды В. Кононенко, Р. Эрнандес-и-Сагрераа) воспринимались, с одной стороны, как технический вопрос, а с другой – как важный инструмент внешней деятельности ЕС, пряник, который надо правильно использовать в диалоге с Россией. Небольшое внимание уделялось контролю за миграцией, сотрудничеству органов полиции (Л. Блок, С. Лавенекс, Р. Эрнандес-и-Сагрераа). А вот границы находились в повестке дня зарубежных исследователей отношений России и Евросоюза практически всё время (Р. Аллисон, О. Антоненко, С. Голунов, В. Кононенко, С. Лавенекс, М. Лайт, С. Прозоров, Р. Эрнандес-и-Сагрераа, С. Уайт). При этом изначально границы воспринимались и как точки присоединения к европейскому пространству, и как линии, которыми ЕС отгораживается от неблагоприятного соседа и связанных с ним рисков. Постепенно секьюритизация границ, их роль в новом разделении Европы усиливалась в тематической повестке исследований (причем по контрасту с повышением социально-экономического развития России). Значительный вклад в эти исследования вносили конструктивистские исследования (К. Браунинг, П. Йонниemi, С. Прозоров).

В зарубежной литературе уделялось внимание и вопросам трансграничного сотрудничества (П. Аалто, К. Браунинг, Т. Кронберг, С. Прозоров, Г. Ролл, Дж. В. Скотт, Х. Эскелинен), Северному измерению (П. Аалто, Х. Блакисруд, У. Кивикари, Дж. Лейн, Х. Оянен, С. Прозоров, А. Сергунин, Х. Смит, Е. Туркина, Л. Фэрли, А. Хаглунд-Мориссея, Х. Хауккала), Калининграду (П. Аалто, К. Арчер, К. Браунинг, Дж. Баксендаль, Е. Винокуров, С. Гензль, Г. Гован, С. Дьювар, П. Йонниemi, В. Дю Кастель, К. Лиухто, Г. Мунтель, И. Очарова, А. Сергунин, Л. Фэрли, П. Холтом, Т. Этзольд). Эти сферы дали важный эмпирический материал для исследований по формированию границ, по исключению и самоисключению. Доминировали здесь, закономерно, учёные Северных стран, но их исследовательская повестка не получила распространение.

Значительно большее, даже подавляющее, внимание уделялось сотрудничеству России и ЕС в энергетике. Это вторая тема, где конфронтационная повестка нарастала. Внимание было сфокусировано прежде всего на природном газе как сфере долгосрочной взаимозависимости России и ЕС. А изучение всегда балансировало между экономическим (рыночным) подходом и геополитическим столкновением. С общей секьюритизацией повестки отношений России и Евросоюза сдвиг закономерно произошёл в сторону геополитики. Здесь список исследователей длинен, упомянем лишь некоторых: П. Аалто, П. Баев, А. Белый, М. Билгин, Ж. Боссе, П. Вахтра, Я. Годзимирски, А. Гольдхау, Г. Громадски, Д. Джонсон, Н. Есакова, Т. Казир, А.А. Конопляник, Е. Кропачева, П. Крадахвил, Р. Лел-Аркас, К. Ван дер Линде, К. Лиухто, К. Локателли, Ф. Ван дер Мелена, Э. Монаган, П. Ноэль, И. Оверланд, С. Пирани, Р. Прайс, А. Рили, Т.А. Романова, К. Смит Стеген, А. Спаньеро, Дж. Стерн, А. Текин, В. Феклюнина, Д. Финон, Дж. Шерр, А. Шмидт-

Фельзманн, К. Эгенхофер, Р. Янгс, К. Яфимова. Другим вопросам (взаимодействию в области электроэнергетики, возобновляемой энергии, снижению парниковых газов) внимание уделялось по остаточному принципу (А. Бут, В. Кононенко, Ф. Ларуи, Е. Теллеген, К. Турилова, Дж. Шарпл).

Наконец, нарастали и исследования конкуренции в регионе т.н. общего соседства, т.е. на территории Украины, Беларуси, Молдавии, а также в странах Закавказья (Д. Аверре, В. Астров, К. Барыш, Э. Берг, С. Блокманс, Т. Де Вильде, А. Высоцкая Гедес Виейра, А. В. Девятков, Л. Делькур, Д. Деттке, С. Кейкелер, Г. Константин, Е. Коростелева, П. Лейно, Г. Ван дер Лоо, Я. МакАллистер, А. С. Макарычев, Н. МакФарлейн, А. Менон, А. Мошес, Р. Петров, Н. Попеску, М. Ферейра, Д. Ротман, М. Тело, Д. Тренин, С. Уайт, Р. Уайтман, Э. Уилсон, П. Фленли, П. Хавлик, Х. Хауккала, П. Ван Эльсвеге, М. Эмерсон, Р. Эрнандо-и-Саггера). При этом большинство исследований акцентировали соперничество. Изучались вопросы соревнования разных схем регионализма и интеграции, проводимых Россией и ЕС. Конфронтация постепенно переходила из мягкой в жесткую. Россия всё чаще представляла как партнёр, который не только сам не сотрудничает с ЕС, но и другим в этом препятствует.

Таким образом, в вопросах безопасности, энергетики и общего соседства постепенно упрочился взгляд на то, что Россия – проблема для ЕС. Решения же становились всё менее кооперативными.

Наконец, отметим ещё четыре темы, которые присутствовали в исследованиях отношений России и ЕС за рубежом, но внимание к которым было мало по сравнению с аналогичным в отечественных исследованиях отношений России и ЕС. Первая – изучение совместных инициатив, институтов в широком понимании этого термина. Изучались Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве, дело Симутенкова, стратегии России и ЕС в отношении друг друга, совместные пространства и дорожные карты к ним, энергетический диалог и партнёрство ради модернизации. Анализировались также варианты переговоров с Россией и некоторые варианты будущего соглашения. (Работы Д. Аверре, В. Бенса, В. Билчиак, С. Фернандес, А. Дулебы, А.В. Загорского, Е. Клитуновой, Ф. Кэмерона, М.В. Ларионовой, П. Мерертса, Д. Нимеровскиса, К. Охманна, Дж. Пиндера, Т.А. Романовой, Ф. Тассарини, Х. Тиммерманна, К. Хиллиона, Ю.В. Шишкова, П. Ван Эльсвеге, М. Эмерсона.) За рубежом чаще всего подчеркивался фокус России на форме, а не на субстанции. При этом мало внимания было посвящено политическим сетям, трансправительственному и транснациональному диалогу, особенно по сравнению с аналогичными темами в исследовании отношений со странами-кандидатами, с США и даже Китаем.

Вторая тема, заслуживающая упоминания, – экономическое сотрудничество. Изучались статистические данные и их значение, торгово-экономические конфликты и техническая помощь ЕС России, потенциальное влияние либерализации торговли, вступление России в ВТО и его последствия. При этом было характерно применение методов экономического анализа, исследования носили более узкий характер, нежели аналоги в отечественной науке. В последний год (как и в России) популярной стала тема санкций и их последствий для связей России и ЕС. Число экономистов, занимающихся на западе тематикой отношений России и ЕС, ныне на порядок ниже их количества в России, оно снизилось, когда Россия перестала быть классическим примером трансформации к рыночной экономике и эффективности экономической помощи ЕС. (Упомянем А. Аслунда, М. Видгрена, Л. Винхас де Сузу, Л. Делькур, Я. Дрейер, Р. Конолли, С. Лайнела, К. Лиухто, Ю. Лаурилу, К. Пюонниоми, К. Раик, А. Сеппо, Ф. Спидбоел-Хансена, П. Суламаа, П. Сутелу, Н. Хелвиг, Ф. Эриксона).

Третья тема, внимание к которой было мало по сравнению с отечественными исследованиями, – расширение; небольшой всплеск статей наблюдался накануне большого расширения Евросоюза, в 2004 г. (А. Аслунд, Дж. О’Бреннана, Ф. Верена, Дж. Гауэр, С. Дьюар, Л. Карабешкин, А. Келлерманн, Й. Ловенхардт, М. Смит, Д.Р. Спеклер, Г. Тимминс, Ю. Федоров, Р. Фона, Х. Хауккала). Однако в целом вопрос этот носил для ЕС, скорее, внутренний характер (проблема адаптации новых членов).

Наконец, скромно (особенно в сравнении с отечественными исследованиями) представлена в иностранных исследованиях тема будущего соглашения России и ЕС (работы Б. Бурраса, М. Валя, А.В. Загорского, И. Кимпе, Ф. Кэмерона, Ф. Тассарини, Дж. Форбрига, П. Ван Эльсвеге, М. Эмерсона).

Насколько разнообразна методология изучения отношений России и Евросоюза за пределами нашей страны? Исследования, посвященные трансферу норм ЕС в Россию, закономерно использовали концепции европеизации (Е. Винокуров, А. Высоцкая Гедес Виейра, С. Гензль, П. Калининченко, Ф. Кэмерон, А. Маата, Ф. Майани, Г. Мелони, Е. Мулиарова, Г. Мунтель, Р. Петров, М. Эмерсон), чаще всего рационального толка. Но концепция европеизации использовалась реже, по сравнению с тем, как часто транслировался тезис о необходимости трансфера норм ЕС в Россию.

Логично было и использование институционализма (Д. Аверре, В. Бенс, В. Билчиак, С. Буссена, А. Гольдхау, А. Дулеба, А.В. Загорский, Е. Клитсунова, Ф. Кэмерон, М.В. Ларионова, К. Локателли, П. Меертс, Д. Нимеровскис, К. Охманн, Дж. Пиндер, Т.А. Романова, Ф. Тассарини, Х. Тиммерманн, С. Фернандес, Х. Хауккала, Ю.В. Шишков, М. Эмерсон), однако нередко юристы (Р. Петров, К. Хиллион, П. Ван Эльсвеге) использовали лишь классический институционализм, логичный результат их профессиональных парадигм. Мало внимания в целом уделялось тому, как эти институты функционируют ежедневно, формируют предпочтения участников, меняют их, очерчивают повестку.

Во-вторых, логичным следствием противопоставления России и ЕС стало использование концепций нормативной силы Я. Маннерса и мягкой силы Р. Кеохейна и Дж. Ная для ЕС (в частности, работы Дж. Дебарделебен, А.С. Макарьчева, М. Мерлингена, А. Степанович, Т. Казира, Х. Хауккала). Однако и тут теоретические категории нередко прикрывали эмпирические обобщения и нормативные оценки; речи о развитии теории на примере отношений России и ЕС не шло. Царила “бинарная логика”, как заявила Л. Делькур в ходе недавней конференции по отношениям России и ЕС. Значительное количество исследований содержало нормативные оценки, а не данные объективного и беспристрастного анализа.

С другой стороны, широко привлекалась методология теории международных отношений. “Геополитика” как термин прочно вошёл в исследования отношений России и ЕС, он применялся почти ко всему (к энергетике, экономике, регионализму, уязвимости, расширению, шенгену, границам). Это работы П. Аалто, Э. Батлера, Дж. О’Бреннана, С.Голунова, Э. Досана, Я. Клинке, Е. Кропачевой, К. Ван дер Линде, К. Локателли, И. Нойманна, Д. Финона, Р.Фона. На этой почве развивалась как традиционная, так и критическая, постсовременная геополитика. Нередко, однако, термин использовался в негативном значении, чтобы обозначить российскую политику в противовес рыночной, характерной для ЕС.

Более позитивными (для сотрудничества) концепциями, заимствованными из теории международных отношений, стали теории режима и взаимозависимости (особенно часто используемая для описания сотрудничества в энергетике, в частности, в работах К. Вестфаль, Д. Джонсон, Н. Есаковой, Т. Казира, Д.Х. Класа, С. Паджетта, Ф. Продру, Р. Саквы, М. Сандера, И. Тарбакова, Д. Финона), многосторонность (Г. Гревви, Л. Делькур, С. Кейкелер, С. Фернандес), мировое общество

(А.С. Макарычев, Р. Саква, А.А. Сергунин, Х. Хауккала) и комплексы безопасности (К. Берк Л. Делькур, Э. Киршнер, К. Уивер, К. Хендерсон).

Таким образом, для зарубежных исследователей характерно применение именно методологии международных отношений, а не политологии. Это резко контрастирует как с тематической повесткой интеграции, трансфера норм ЕС или нормативным столкновением, так и с тем, какие методы используются для изучения европейской интеграции, расширения или отношений с соседями. Такой подход дополнительно утверждает репутацию России как аутсайдера, другого для ЕС.

Наконец, сильной теоретической стороной исследований отношений России и ЕС за пределами России стал конструктивизм, в особенности плотный, основанный на дискурс-анализе (причём отечественные учёные сделали в неё серьёзный вклад). Внимание заострялось на таких аспектах, как идентичность, включение/исключение, значимый другой, использование категорий как пустых по значению в диалоге России и ЕС, взаимном (не)доверии (это П. Аалто, К. Браунинг, Э. Берг, С. Голунов, П. Йонниemi, П. Кроточвил, А.С. Макарычев, В.Е. Морозов, К. Ниту, И. Нойманн, С.В. Прозоров, А.А. Сергунин, Л. Тиши, Л.Д. Фэрли, Х. Хауккала, П. Эхин).

Исследовательская повестка отношений России и Евросоюза: сегодня и завтра

Сравнение исследовательской повестки отношений России и Евросоюза в нашей стране и за её пределами ведёт к нескольким выводам. Во-первых, несмотря на то что многие темы пересекаются, ракурс их рассмотрения, а также приоритетность и плотность соответствующих работ различны. Самым ярким примером может быть политика расширения – несомненный приоритет для России, почти не анализировавшийся в ЕС как проблема отношений России и Евросоюза. Другой пример – экономические связи, количественные и качественные параметры которых постоянно в поле зрения в России, но заслужили небольшое внимание в ЕС.

Энергетика рассматривается одинаково пристально в исследованиях и в нашей стране, и за рубежом. Однако в российской традиции принято акцентировать количественные аспекты, надёжность России как поставщика, специфику газового сектора, тогда как за рубежом характерно противопоставление западного рыночного подхода российскому, на который накладывается ярлык “геополитический”. При этом геополитизация и секьюритизация этой сферы в анализе вне России в последнее время резко возросли.

Проблемы безопасности и взаимоотношений в регионе общего соседства – темы общей озабоченности в исследованиях внутри России и за её пределами. При этом нормативные оценки Евросоюза здесь постепенно уступали место прагматике; однако эта тенденция была сломлена событиями 2014 года. Тем не менее обе стороны характеризуются недооценкой в своём анализе субъектности стран общего соседства. Мало внимания уделялось роли международных организаций во взаимодействии России и Евросоюза, сотрудничеству в борьбе с общими угрозами, т.е. позитивному опыту взаимодействия и его причинам.

В области правосудия и внутренних дел внимание в России было сфокусировано на визах как барьере для общения. Исследования за пределами нашей страны, акцентировали внимание на мягких аспектах безопасности, на рисках, якобы исходящих из нашей страны, на важности границ. Визы при этом рассматривались либо в техническом ракурсе, либо в ракурсе внешнеполитического ресурса ЕС.

Во-вторых, исследовательский фокус в России и за её пределами различается тем, какое внимание уделяется эндогенным и экзогенным факторам. Для отечественных исследований характерен фокус на том, что происходит в ЕС или в отно-

шениях Москвы и Брюсселя, но не в самой России. В исследованиях же за пределами нашей страны внимание сфокусировано либо на внутренней эволюции ЕС (и России как среде для тестирования этих изменений), либо на внутренних изменениях в России (их критике, попытке стимулировать трансфер норм и правил ЕС). Если российские исследования уделяют внимание тому, как новые страны ЕС изменили в негативную сторону отношения с Москвой, то для ЕС это вопрос внутренних: как обеспечить единство ЕС.

В-третьих, наиболее явные различия ожидаемо существуют по вопросу о принадлежности России к Европе. В отечественной дискуссии традиционно утверждается европейская идентичность нашей страны и одновременно всё чаще подчеркивается, что всё не сводится к Европе. В исследованиях же за пределами России возможны два варианта. Первый утверждает, что Россия иная и, следовательно, возможно только прагматическое сотрудничество, а в плане идентичности она играет роль значимого другого для Европы. Второй – что Россию надо европеизировать путём трансфера норм, правил и ценностей ЕС. В отечественной литературе такой подход отвергается как не гарантирующий равенство нашей страны в диалоге с ЕС. Трансфер норм за пределами России нередко рассматривается как технический (и используются для этого теории среднего уровня, как институционализм или европеизация), тогда как в российской дискуссии это анализируется как проблема политическая, применяются к ней теории международных отношений, а доминирует категория “суверенитет”.

В-четвёртых, выражены методологические различия в исследованиях в России и за её пределами. Для отечественных работ характерен большой эмпиризм, а для зарубежных исследований – более фундированный технический аппарат. Освоение теорий интеграции, которое активно шло в нашей стране с начала 1990-х гг., остановилось на ЕС и слабо мигрировало в изучение отношений России и ЕС. Такому положению дел способствовал и возврат реалистичной повестки дня в исследования международных отношений в начале нынешнего века. В то же время за пределами России, за исключением конструктивистских исследований (в которые делали вклад и российские специалисты), так же вряд ли можно найти большое количество теоретических исследований отношений Москвы и Брюсселя. Скорее, речь идёт об освоении терминологического багажа, нередко для нормативных оценок России.

Несмотря на интеграционную проблематику, теоретико-методологический лексикон исследований отношений России и ЕС за рубежом также в значительной мере остался в русле теорий международных отношений. В нынешнем веке эта тенденция только усиливалась. И в этом, как ни парадоксально, отечественные и зарубежные исследования сходятся. При этом ни той, ни другой стороне не удалось преодолеть категории белого и чёрного, бинарное мышление в оценке отношений ЕС и России.

Наконец, отметим низкую степень взаимопроникновения исследований. Западные авторы редко публикуют свои труды в отечественных журналах по международным отношениям. Чуть чаще ранее выходили различные их политические исследования, аналитические записки на русском языке, но поток этот иссяк с прекращением финансирования Евросоюзом. Узок и круг российских специалистов, которые печатаются за пределами России. Отдельную категорию представляют российские исследователи, работающие за рубежом; однако для них также после транзитного периода характерен почти эксклюзивный фокус на западных журналах. Исключения представляют лишь отдельные специальные выпуски журналов и коллективные монографии.

Расхождение в исследовательских повестках в России и за её пределами, безусловно, внесло вклад в общий кризис отношений России и ЕС. Влияние разделённо-

сти исследований и отсутствие исследовательского (эмпирического и теоретического) диалога о современном состоянии отношений Москвы и Брюсселя может само по себе служить темой отдельного исследования. Лица, принимающие решения, далеко не всегда прислушиваются к экспертам, но именно учёные, аналитики очерчивают проблемное поле, выделяют потенциал взаимодействия, дают категории для оценки действительности и предлагают решения, т.е. формируют интеллектуальное пространство возможностей для политиков.

Список литературы:

Авдонин В. С. (2006) Российские исследования политики Европейского союза. Рязань: Рязанский государственный университет.

Борко Ю. (1988) О некоторых аспектах изучения процессов западноевропейской интеграции // *Мировая экономика и международные отношения*. №2.

Павлова Е., Романова Т. (2014) Идеиное соперничество или “треш-дискурс”? // *Россия в глобальной политике*. №3.

Шмелёв Н.П. (2000) Страницы шеф-редактора // *Современная Европа*. №1.

Entin, M., Strelkov, A., Barabanov, O. (2011) *EU Studies in Russia Today* // Россия и Европейский союз в 2010 – начале 2011 года. М.: Европ. учеб. ин-т при МГИМО МИД РФ.

References:

Avdonin V.S. (2006) *Rossiiskie issledovaniya politiki Evropeiskogo souza*. Ryazan: Ryazanskii gosudarstvennyi universitet.

Borko Ju. (1988) O nekotoryh aspektah izuchenija processov zapadnoevropejskoj integracii // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. №2.

Entin, M., Strelkov, A., Barabanov, O. (2011) *EU Studies in Russia Today* // *Rossiya i Evropeiskii souz v 2010 – nachale 2011 goda*. Moscow: European Studies Institute at MGIMO MID RF.

Pavlova E., Romanova T. (2014) *Ideinoe sopernitchestvo ili “trash-discourse”?* // *Rossiya v globalnoi politike*. No 3.

Shmelev N.P. (2000) *Stranitsy shef-redaktora* // *Sovremennaya Evropa*. No 1.

The Russia-EU relationship research at home and abroad (from 1992–2015).

Author. Romanova T.A. Associate Professor, European Studies Chair, St. Petersburg State University, Jean Monnet Chair, chairman of the Saint-Petersburg branch of the Russian Association of European Studies. ul. Smolnogo 1/3 (entrance 8) St.Petersburg 193060 Russia. Tel. +78125764229. t.romanova@spbu.ru, romanova@mail.sir.edu

Abstract. The article analyzes EU-Russian studies in 1992-2015 in Russia and abroad, reviews the topics, theories and methodologies. The issues of the enlargement, foreign policy and economic cooperation have dominated in Russia. The Russian studies are also characterized by the emphasis on empirics, realism and limited borrowing of Western categories; the reasons for those methodological choices are reviewed. Abroad, EU-Russian studies depart either from the evolution of the EU or from the need to reform Russia. They are also characterized by a gradual securitization of the relations in security, energy and shared neighborhood, stronger theoretical perspective, but also by the choice of the IR theories rather than political science for the analysis of the EU-Russian relations. They also include substantial constructivist studies, to which Russian scholars also contributed. The author compares the two research agendas, stressing deep differences in both – topics and methodology, as well as the limited dialogue between the two sides, which contributed to the current crisis in the EU-Russian relations.

Keywords: EU-Russian relations, research, empirics, integration theory, international relations theory, conflict, cooperation.